

— А-Хэн, беги! Скорее!

— Нет, я не уйду! Не хочу!

— Сестренка!

Юэ Лохэн вздрогнула и проснулась, тяжело дыша.

Она уже давно не видела во сне родителей и младшую сестру, но сегодня, вдохнув аромат, исходящий от премьер-министра Вэня, она невольно воскресила в памяти события прошлого. И не только тот страшный день, когда дом Юэ был разграблен, но и ту маленькую девочку, что всегда была рядом в детстве.

Она не помнила её лица, лишь то, что звала её Звёздочкой.

На небе полно звёзд, но среди них нет ни одной, которая принадлежала бы мне...

Она прижала ладонь к груди, пытаясь успокоиться. Завтра премьер-министр Вэнь снова придет в павильон Цинфэн, она не может позволить себе выглядеть изможденной.

За дверью слышались шаги — Цзыюй, услышав возню, постучала и вошла в комнату. Она помогла своей госпоже подняться и с тревогой спросила:

— Барышня, вам снова снилось...

— Да, пустяки, — Юэ Лохэн покачала головой, показывая, что волноваться не о чем. — Всего лишь забытое прошлое. Что оно может изменить?

Это была правда, но и горькая самоирония. Если бы не её слабое здоровье в детстве, из-за которого родители не позволяли ей показываться на людях, лицо Юэ Лохэн наверняка знала бы вся столица. К счастью, этого не случилось, и ей удалось сбежать из дома Юэ, взяв имя Лохэн и найдя пристанище в этом павильоне.

Теперь, когда люди вспоминают семью Юэ, они либо плюются, либо вовсе забыли об их существовании. Казалось, кроме неё и Цзыюй, никто больше не помнит о былом величии её дома. У отца она была единственной наследницей, мать была удостоена почётного титула первой степени, а старший брат был прославленным генералом, который вечно пропадал в военных походах. Даже её младшая сестра была девушкой, которой восхищались все знатные юноши столицы. Вся семья Юэ, казалось, лишь она одна вечно сидела взаперти, оставаясь в тени, пока мир о ней забывал.

Но именно она, почти что немощная представительница клана Юэ, выжила. Отец покончил с собой, чтобы доказать свою невиновность, а мать и сестра погибли от рук стражников, защищая её побег. Сейчас в живых остался только брат, но ей не нужно было гадать, чтобы понять: его ждет та же участь, что и её, или даже худшая.

Она посмотрела на свои тонкие, словно белые луковичы, пальцы и на миг погрузилась в оцепенение. Если бы мать увидела, что старшая дочь благородного дома Юэ стала куртизанкой, она бы не знала, как её проклясть.

После сна о родных Юэ Лохэн не могла сомкнуть глаз. Даже благовония, зажженные Цзыюй, не приносили покоя. Она села перед зеркалом, разглядывая своё прекрасное лицо, и на губах заиграла саркастическая улыбка. Если бы не эта внешность, она бы даже не переступила порог павильона Цинфэн.

— Каким он был сегодня, когда смотрел, как я танцую Танец легкого ветра? — вдруг поинтересовалась она.

Ей стало любопытно: неужели этот премьер-министр Вэнь, который, по слухам, равнодушен к женской красоте, придя в павильон, окажется таким же, как и все остальные?

— Я стояла далеко и не видела, — опустила глаза Цзыюй. — Но другие говорят, что с того момента, как вы начали танцевать, взгляд господина Вэня был прикован только к вам. Он не удосужился даже взглянуть на кого-то ещё.

— Правда?

— С таким лицом, как у вас, разве могло быть иначе?

Юэ Лохэн придвинулась ближе к зеркалу, пытаясь найти хоть какой-то изъян. Но из глубины стекла на неё смотрела девушка с алыми губами и персиковыми глазами, полными невыразимой нежности, в которых легко можно было утонуть. Это казалось насмешкой судьбы: единственное, что у неё осталось — это красота, ради которой ей приходилось прилежно учиться всему. Мать когда-то говорила, что одного лишь взгляда её глаз достаточно, чтобы вскружить мужчине голову, но из-за слабого здоровья и постоянных лекарств у неё никогда не было сил следить за собой. А когда она наконец окрепла, дом Юэ был уничтожен. Какое бы красивое лицо ни было, оно не могло спасти жизни её близких.

Две слезинки скатились по её щекам. Кроме Цзыюй, которая всё ещё видела в ней барышню из дома Юэ, кто в столице не знал имени куртизанки Лохэн?

— Цзыюй, впредь... называй меня просто госпожой Ло, — она вытерла слезы платком. — Как и все остальные.

Цзыюй была поражена, но не осмелилась принять это предложение. Она знала лучше других, как сильно её госпожа дорожит честью своего рода. Даже если она смирилась с участью служанки и куртизанки, сама барышня — никогда.

— Но госпожа...

— Не надо меня уговаривать, я знаю, что делаю, — Юэ Лохэн медленно поднялась и подошла к висевшему танцевальному наряду. — Сегодня я привлекла внимание господина Вэня, а значит, моё положение в павильоне станет ещё выше.

Она обернулась к девушке у двери и улыбнулась:

— Цзыюй, я больше никогда не буду прежней Юэ Лохэн. Вторая дочь семьи Юэ умерла в тот самый день, когда переступила порог этого места.

Она помнила тот день: ярко светило солнце. Матушка Цинжун, с тех пор как её продали в

павильон, ни разу не обидела её. Она прекрасно понимала, что эта доброта продиктована не заботой, а расчетом: Цинжун увидела потенциал в её лице и надеялась, что при должном обучении она станет жемчужиной павильона. В столице открывалось всё больше заведений, и Цинжун нуждалась в той, кто удержит славу павильона Цинфэн.

Юэ Лохэн не знала, удача это или проклятие, но она оправдала надежды: овладев искусством игры на цитре, шахматами, каллиграфией и живописью, она стала самой известной женщиной столицы. Но с того дня, как она стала главной куртизанкой, мнения о ней разделились. Её лицо вызывало у многих жгучую зависть, и в павильоне то и дело случались стычки. Впрочем, её это не заботило. Она должна была лишь думать о том, как угодить гостям и безупречно исполнить танец.

Лунный свет упал на неё, когда она коснулась изысканного наряда, вспоминая свое выступление. Легкие движения, нежный взгляд, аромат цветов — каждое её движение волновало сердца. Она вдруг поймала себя на мысли, насколько сильно изменилась по сравнению с прошлым, но тут же отбросила это — должно быть, она сошла с ума. Она же твердо решила попрощаться с прежней Юэ Лохэн, так зачем терзать себя невозможными мечтами? Она не может вернуться назад. Всё уже в прошлом.

— Госпожа, отдохните сегодня. Матушка Цинжун сказала, что господин Вэнь завтра снова придет, и, скорее всего, снова захочет видеть вас.

Цзыюй не стала продолжать спор, лишь надеясь, что та сможет выспаться.

— Я знаю.

Юэ Лохэн опустила руку с танцевального платья и легла на кровать, надеясь набраться сил. Быть может, премьер-министр Вэнь, очарованный её лицом, выкупит её из этого павильона? Она ни минуты больше не хотела здесь оставаться, не хотела быть той, чья жизнь держится лишь на красоте.

<http://bllate.org/book/21729/2245588>